

Татарстан фәннәр академиясенен
Тарих институты

ТАТАР АРХЕОЛОГИЯСЕ

ГБУК РХ
"ИБ им. Н.Г. Доможакова"

№ 2 (3)

*Глубокому уважению
Игорю Леонидовичу
Козлову
с большой
благодарностью
за хорошую
составку и на
добрую работу!*

Д. Бардуков

3.11.99.

Казан — 1998

*Передано Национальной библиотеке
Хакими*

М. Козлов 2014

Леонид Кызласов

Города гуннов

«Пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки. Установлению правильных взглядов на роль этих «варваров» и на историю духовно-культурных заимствований мешают наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива...». Эти слова написаны Г.Н.Потаниным в конце XIX века.¹ За прошедшее столетие качественного изменения в подходах исследователей к этому предмету, увы, так и не последовало. И сегодня укоренившиеся представления нередко мешают правильно оценить совокупность имеющихся фактов, а иногда и вовсе не позволяют заметить само существование данных, не отвечающих традиционному восприятию. По-прежнему, исследователи оказываются психологически неподготовленными ни к разысканию, ни к анализу тех явлений, которые остались невостребованными предшествующим развитием науки. «Наше арийское высокомерие» распространилось на среду ученых-сибиряков, едва ли не в более извращенной форме, чем во времена Г.Н.Потанина.²

Между тем, фактов, противоречащих господствующей доктрине об извечности так называемой «кочевой стихии», присущей природе аборигенного населения древней и средневековой Сибири и Центральной Азии, становится известно все больше. Новые переводы разноязычных письменных источников и раскопки разновременных археологических памятников приносят неоспоримые свидетельства значительности развития оседлой экономики, становления самобытной городской культуры. Ниже мы приводим данные о городах гуннов, народа, культура которого во все времена приводилась в пример, как культура «чистых кочевников».

1. Города центральноазиатских гуннов

Одно из наиболее ранних известных письменных свидетельств, касающихся населения территории Южной Сибири и северо-западной части Центральной Азии, относится к концу III века до н. э. В «Исторических записках» китайского историографа Сыма Цяня рассказывается о том, что вступивший в 209 г. до н.э. на престол державы центральноазиатских гуннов (сюнну) шаньюй Маодунь с успехом вел завоевательные походы, расширяя границы своего государства. На востоке оно вскоре уже граничило с Кореей, а на западе — достигло современного Синьцзяна. В источнике сказано: «При Маодуне сюнну небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство равное по силе Срединному государству» (т.е. Китаю — Л.К.). Около 201 г. н.э. Маодунь «покорил на севере владения хуньюев, цюйшэ, динлинов, гэгуней и синьли, все знатные люди и сановники сюнну подчинились ему и стали считать шаньюя Маодуня мудрым».³

К этому времени Маодунь завершил очередной поход на западных кочевей и его войска, возвращаясь в родные пределы, продвигались по северной полосе Центральной Азии с запада на восток. Так как, по археологическим данным, гунны завоевали в это время чуждые

для степняков горные районы Саяно-Алтайского нагорья, Северной Монголии и Западного Забайкалья, то перечисленные в «Исторических записках» захваченные владения можно отождествить с пятью большими условно называемыми археологами историко-археологическими общностями, занимавшими в это время указанные области.

В этом случае под именем хунькоев, возможно, скрываются создатели пазырыкской культуры Горного Алтая, под именем динлинов — племена тагарской культуры, обитавшие от Кузнецкого Ала-тау на западе и до оз. Байкал на востоке. Под именем цюйшэ — создатели уюкской культуры, расселявшиеся в бассейнах Верхнего Енисея (Тува) и в котловине Больших озер.

Под именем гэгунь (кыргызы) быть может скрываются тогдашние обитатели юго-восточной части Северо-западной Монголии (южнее оз. Хирхис-Нур). Война шла и против синьли — народа, оставившего после себя культуру «плиточных могил», занимавшую огромную область Восточной Монголии и Забайкалья.

Шаньюй Маодунь был воистину мудрым и, очевидно, поэтому таким удачливым. Его армии в кратчайший срок завоевали и подчинили себе огромную территорию, недра которой хранили неисчислимые богатства в виде разнообразных полезных ископаемых. И это в то время, когда исконные земли гуннов в равнинах Ордоса, в пустыне Гоби и полупустынных плоскогорьях Центральной Азии, где они обитали до завоеваний, лишены рудных залежей.⁴

Во всех завоеванных северных странах обнаружены археологами не только отчетливые следы влияния культуры гуннов на местные народности, но и непосредственные остатки собственно гуннской материальной культуры. Последние свидетельствуют, что сразу же после захвата новых земель, гуннские мастера приступили к разработке богатейших рудоносных горизонтов. Для обеспечения своих рудокопов привычной для них глиняной посудой, гунны соорудили на Горном Алтае высоко производительные гончарные печи. Обломки этих сосудов найдены и возле их первых на чужой земле могил. Гуннские черепки обнаружены в карьерах древних рудников по р. Каа-Хему.⁵

Как показали раскопки, Иволгинское городище и городок Дурены на реках Селенге и Чикое, являлись поселениями гуннских металлургов, литейщиков, кузнецов и других мастеров, снабжавших свое государство необходимыми предметами вооружения, конского снаряжения, орудиями труда и быта.⁶ Все эти открытия раскрывают и те экономические причины, которые заставили гуннов совершить многотрудные военные операции по присоединению к своему государству богатейших регионов Саяно-Алтайского нагорья, Северной Монголии и Южного Забайкалья, населенных многоопытными аборигенными горноработчиками, металлургами и кузнецами. Мудрость шаньюя Маодуня и его советников состояла, очевидно, в том, что для борьбы с ханьским Китаем и другими внешними врагами, гуннам нужны были не только спокойные северные тылы, но прежде всего постоянная горнорудная, металлургическая и ремесленная база для снабжения своих войск предметами вооружения и походного снаряжения.

Именно тогда в Центральной Азии было создано большинство гуннских ремесленно-хлебопашеских поселений, крепостей и городов.⁷ В настоящее время известно свыше 10 квадратных гуннских городов, укрепленных глинобитными стенами, валами, рвами, палисадами и свыше 20 неукрепленных ремесленно-земледельческих поселений.⁸ Гуннские городища найдены археологами и к югу от Гоби на территории Ордоса.⁹ В поле зрения ученых появляется все больше материальных и письменных свидетельств о том, что гунны вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, развивая при этом горное дело, металлургию и другие ремесла.

Еще недавно, полагаясь на сознательно искажающий действительность штамп ранней китайской историографии о том, что варвары-гунны «в поисках воды и травы переходят с места на место, и хотя у них нет городов, обнесенных внутренними и наружными стенами, нет постоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый тоже имеет выделенный участок земли»,¹⁰ многие ученые считали гуннов (сюнну) образцом «чистых» кочевников. Например, в обобщающей книге А.Н.Бернштама по истории гуннов ни слова не сказано о гуннских городах.¹¹

Однако новые археологические материалы и внимательное исследование тех же ханьских письменных источников показали, что не только гунны, но уже их предки строили укрепленные города. Есть, например, такое сообщение: «Ицзюйские жуны стали строить для защиты города, укрепленные внутренними и внешними стенами, но (царство) Цинь постепенно захватывало их. При Хуй-ване было взято двадцать пять ицзюйских городов».¹²

Письменные источники неоднократно сообщают о земледелии у гуннов. Это было известно еще по старым переводам ханьских хроник, опубликованным Н.Я.Бичуриным в середине XIX в.¹³ В.С.Таскин, взявший на себя огромный труд нового перевода источников по истории гуннов, пришел к выводу, что «по свидетельству источников, наличие земледелия у сюнну бесспорно».¹⁴ По археологическим данным, гунны для пахоты применяли плуги с чугунными лемехами.¹⁵

Очевидно, что одна часть гуннского населения жила оседло, занимаясь строительством, горным делом, ремеслом, земледелием, пастушеским и придомным скотоводством молочного направления. Разводили главным образом крупный рогатый скот и свиней. В скотоводческом хозяйстве другой части гуннов преобладало табунное скотоводство, но уже интенсивного типа — с выведением не только ослов и верблюдов, но даже лошаков, мулов и пони.¹⁶

В 82 г. до н.э. советник молодого шаньюя Хуяньти князь динлинов Вэй Люй посоветовал шаньюю: «Выкопайте колодцы, постройте окруженные стенами города, воздвигните для хранения зерна башни и обороняйте города совместно с циньцами ...; было выкопано несколько сот колодцев и срублено несколько тысяч деревьев...».¹⁷

Древней летней столицей гуннов был город Лунчэн («Город императора», т.е. шаньюя), а зимней — Дайлин. В «Исторических записках» сообщается: «В 5-й луне съезжаются на большое собрание

в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжаются на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество лошадей и домашнего скота».¹⁸ Из этого текста видно, что Лунчэн («Город шаньюя») являлся не только имперской ставкой гуннов, но и их храмовым (религиозным) центром, в то время, как Дайлин — исполнял экономическую функцию в гуннском государстве. Еще говорится о построенном гуннами государственном хранилище — городе Чжаосиньчэн у горы Тяньяньшань (южная оконечность Хангайского хребта). В этом укрепленном стенами городе-крепости находились центральные склады, в которых хранились общегуннские запасы зерна и вероятно, другие ценности и товары.

В источниках сообщается не только о столичном городе Лунчэне, но и о том, что гуннские государи-шаньюи строили и в других местах храмы, молельни и даже дворцы-резиденции. В своих землях гунны выкапывали глубокие рвы — препятствия, сотни колодцев и жилые землянки для пограничных караулов.¹⁹ Последнее сведение может быть истолковано так, что гунны на целом ряде ответственных рубежей поддерживали постоянную охрану государственных границ.

Известно также, что мятежный шаньюй Чжичжи соорудил большой дворец в квадратной крепости, которую он построил для себя в Семиречье. Описание этого города позволяет представить характер гуннского фортификационного искусства. Шаньюй «посылал народ на возведение городской стены, каждый день работало по 500 человек, которые закончили постройку в два года». И далее сказано: «Перед земляной стеной имелся двойной деревянный частокол...». В другом месте добавлено, что этот город был защищен «пятью рядами укреплений»,²⁰ и «что на стенах города шаньюя вывешены пятицветные знамена и там находится несколько сот человек, одетых в латы. Кроме того, из города выехало более 100 всадников, которые скакали взад и вперед вдоль стены и вышло более 100 пехотинцев, которые построились, подобно рыбьей чешуе у ворот и упражнялись в применении оружия».²¹

Когда в 36 г. до н.э. мощная китайская армия в 40 тысяч воинов, под руководством опытного полководца Чэнь Тана, окружила и начала осаду квадратной крепости, то ~~чжичжи~~ понадобилось более суток для того, чтобы в непрерывном бою наконец-то сломить сопротивление осажденных. При этом было убито 1518 человек, включая самого шаньюя, членов его семьи и приближенных князей. «С оружием в руках было захвачено 145 человек и свыше 1000 сдались сами».²²

Таким образом, ставку шаньюя, его дворец и весь город защищало хорошо вооруженное армейское подразделение численностью около 3000 воинов, среди которых были как кавалеристы, так и пехотинцы. Причем пехотинцы были не обычные — они умели строиться «подобно рыбьей чешуе», т.е., очевидно, в каре, оградившись щитами по сторонам и сверху. Такое пехотное построение латников перед битвой в то время применяло только одно войско — римские легионы.²³ Возможно ли, чтобы какой-то из римских легионов смог

оказаться в I в. до н.э. столь далеко на востоке? В сущности, в самых глубинах Азии на р. Дулай (Таласе) в центре Семиречья? Возможно ли было римлянам сражаться с армией еще более далекого от них Китая на стороне гуннской орды Чжичжи-шаньюя, которого в то время поддерживала казалось бы только армия местного государства Канг (Канцзюй китайских хроник)? Какие надежды мог возлагать могучий в то время Рим на разрозненных разбегавшихся центральноазиатских гуннов?

Некоторые ученые, анализировавшие это краткое и единичное сообщение, тем не менее полагают, что текст позволяет установить единственный в истории случай прямого столкновения военных сил двух могущественных империй древности — Ханьского Китая и Римского государства.²⁴ Свели эти силы представители того необыкновенного народа, который прославился в раннем средневековье своими неудержимыми и стремительными завоеваниями огромных территорий, ставших известными во всемирной истории, как Великое переселение народов. Это были племена, которых в центре Азии называли сюнну (или хунну) и гуннами в центре Европы. Это были предки тех знаменитых европейских гуннов, которые возглавили разрушение старой Римской империи и приняли на себя страшный удар объединенных народов Европы в битве на Каталаунских полях в 451 г.²⁵

Загадочность гуннов-сюнну усугубляется тем, что они являлись последним остатком некогда крупного этнического массива, язык которого, после гибели гуннов, так и остался неизвестным для современной науки.²⁶

Из некоторых сообщений хроник можно заключить, что упомянутая выше гуннская столица город Лунчэн находилась на юге их земель, по-видимому, в Ордосе, ограниченном излучиной Хуанхэ. Такой вывод можно сделать, например, из заявления южного шаньюя Туньтухэ в 88 г. н.э.: «Я уже приказал всем кочевьям готовить воинов и лошадей, чтобы в девятой луне во время жертвоприношений в Лунчэне все собрались на берегу Хуанхэ».²⁷ О том же говорит факт отступления на юг из Гоби полководца Ли Лина «по старой дороге в Лунчэн».²⁸

Но существовала еще одна столица, — административный и политический центр северных гуннов, город Бэйтин. О нем упоминается в «Истории Поздней Ханьской династии»: «Указом разрешается южному шаньюю поселиться в Юньчжуне, отстоящем от Бэйтина на расстоянии 3000 ли». Или: «В 1-й год «Чжан-хэ» сяньби вторглись в Цзоди (по-видимому, левобережные земли — Л.К.), напали на северных сюнну и наголову их разгромили. В Бэйтине наступил хаос».²⁹ По данным китайского историка Лян Юань-дуна, название Бэйтина (Северная ставка) образовалось от слияния слов Бэй сюнну (северные сюнну) и Шаньюй тин (ставка шаньюя). Из «Сюнну Чжуань» видно, что название Шаньюй тин иногда заменялось на Лунтин (Ставка императора).³⁰ В эпоху расцвета гуннского государства шаньюя по положению приравнивали к императору.

Память о гуннских городах и об их месторасположениях долго сохранялась среди населения Центральной Азии. Названия городов, в

которых в древности обитали сюнну, позднее часто упоминались, например, в киданьских источниках династии Ляо. Когда император Тайцзу совершил первый поход на реку Орхон, то сообщается, что им были взяты «уйгурский город (т.е. Ордубалык — Л.К.) и город Шаньюйчэн».³¹ По Таншу, там же в конце 40-х годов VII в. было учреждено «Шаньюево наместническое правление».³² В «Истории Ляо» есть такая фраза: «В первый год «Кай-тай» (1012 г. — Л.К.) военачальник племен шиле Алиди убил своего цзедуши и бежал на запад в город Волудо, который в древности носил название «Лунтин шаньюйчэн». Вскоре выразило непокорность племя цзубу. Они окружили Ту-юя в Кэдуньчэне. Натиск был очень сильный. Ту-юй приказал всему войску стрелять и отогнал их. Расквартировался — в Волудо.» Судя по этой записи, Волудо в XI в. находился на месте столицы северных гуннов — «Шаньюева города Лунтина» (он же Бэйтин), вблизи киданьского города Хэдуньчэна. В «Истории Ляо» говорится: «Хэдуньчэн — собственно уйгурский город Хотунь (т.е. Хатунбалык — резиденция супруги уйгурского хагана — Л.К.), ошибочно названный Хэдуном».³³ Хатунбалык располагался в 15 км к югу от столицы — ставки уйгурских каганов города Ордубалыка в верховьях реки Орхона, при впадении в него левого притока речки Балыклык (букв. Рыбной). На месте его кидани позже построили Хэдуньчэн, а керейты и затем монголы — Каракорум (по-китайски Хэлиньчэн — Л.К.).

Исходя из этих данных, город Бэйтин (иначе Лунтин или Шаньюйчэн) также находился в долине Орхона. Следовательно, гунны были первыми хозяевами Центральной Азии, избравшими для ставки своего государя и для своей столицы долину реки, ставшей затем широко известной в истории народов Центральной Азии. Ханьские источники отмечают на территории к северу от Гоби такие принадлежащие гуннам города, как Фаньфужень и «Укрепление Теу-Сяна».³⁴ Историк Фан Сюан-лин, описавший период правления династии Цзинь (265—420 гг.) и вторжение войск сюнну в Китай, когда они в 316 г. взяли столичный город Чанъань, сообщал, что в ту пору сюнну «построили дворцы вместо своих войлочных шалашей». В.С.Таскин отмечает, что «сюнну стали строить, украшать и укреплять города, создавать столицы».³⁵

Кроме того, в Цзинь шу (Хроника династии Цзинь) описан укрепленный город Гайцзян (Гуцзян) с указанием, что «город построен народом сюнну» (гуннами — Л.К.). В «Старой хронике династии Тан» (Цзю Тан шу) прямо сказано: «Подлинное название по-суннуски — город Гайцзян».³⁶ Следовательно, сам топоним, искаженный впоследствии китайцами в Гуцзян, имеет гуннское происхождение. Известно, что и поздние гунны не оставили свою традицию и строили во Внутренней Монголии города. Так, гуннский вождь Хэлянь Бобо построил в конце IV в. город Тунвань к северу от р.Шофан, который впоследствии получил название Сячжоу.³⁷

В средневековой китайской историографии никто из историков-хронистов не сомневался в том, что гунны были строителями. Даже

в легенде о происхождении предков уйгуров, записанной в Вэйшу (VI в.) рассказано, что однажды гуннский шаньюй «на север от столицы (гуннов — Л.К.) в необитаемом месте построил высокий терем», в котором поселил двух своих дочерей.³⁸

Приведенные выше данные убеждают в том, что именно гунны первыми стали насаждать в Центральной Азии и в Южной Сибири городскую культуру.

2. Гуннские города и поселения в Западном Забайкалье

Города и населенные пункты гуннов, находившиеся в Сибири, безымянны. Археологи обычно присваивают им условные названия. В пределах сибирских областей бывшего мощного гуннского государства города и поселения лучше всего изучены в Западном Забайкалье. Возле городов расположены и гуннские кладбища. Завоевав новые земли в 201 г. до н.э., гунны поселились в благодатных долинах р.Селенги и ее притоков, таких, как реки Джиды, Чикой, Хилок, Темник, Уда.

По данным А.П.Окладникова, какая-то часть бывшего здесь местного населения, относящегося к так называемой культуре «плиточных могил», оказалась вытесненной гуннами в Прибайкалье и, вероятно, в более северные пределы.³⁹ Оставшиеся аборигены являлись постоянной угрозой для завоевателей. Поэтому первые города гуннов хорошо укреплены. Это известное Иволгинское городище, а также руины Дэрестуйского замка на левом берегу р.Джиды, осмотренные нами в 1983 г.⁴⁰ Тогда же нами были осмотрены еще два неукрепленных гуннских поселения: найденное бурятскими археологами селище у деревни Енхор на высоком правом берегу р.Джиды и известное поселение у с.Дурены, расположенное по левому берегу р.Чикоя.⁴¹

Иволгинское городище находится на левом берегу р.Селенги, ниже впадения в нее р.Иволги. Оно исследовалось в 1928—1929 г. Г.П.Сосновским, в 1949—1950 гг. В.П.Шиловым, а в 1955—1974 гг. А.В.Давыдовой.⁴² Иволгинский гуннский город первоначально, очевидно, представлял собой подквадратную мощную крепость размером 340 x 340 м. Стены ее были ориентированы по сторонам света, и общая площадь города составляла около 11,5 га. Впоследствии своенравная Селенга, подмывая левую надпойменную террасу, уничтожила третью часть крепости и через какое-то время отступила, оставив после себя русло высохшей старицы.⁴³ Исследователи городища описывают его остатки, как укрепленный с трех сторон валами и рвами, неправильный прямоугольник (размерами 348 м с севера на юг и 194—216 м с запада на восток), примыкающий с восточной стороны к старице реки. Однако, это только сохранившаяся часть (около 7 га) бывшей площади городища. В наше время известно, что подквадратными были все хорошо сохранившиеся гуннские города, обнаруженные в соседней Монголии.⁴⁴

Стены квадратной крепости на р.Селенге состояли из четырех укрепленных линий, от которых сохранились валы и рвы. На

опубликованном плане⁴⁵ видно, что город имел двое въездных ворот, расположенных посередине южной стороны укрепления, а обрывки валов, с юго-востока определяют, что восточная часть крепости в древности была смыта рекой. С северной стороны линия размыва прошла посередине бывших здесь северных ворот прежней крепости. На плане обозначен еще один псевдоразрыв валов: прямо по сечению юго-западного угла квадрата. Но на местности мы увидели здесь остатки тележной дороги, которая уже в наше время размяла угол вала оборонительного сооружения. Поэтому этот «разрыв» случаен и не должен приниматься во внимание при обсуждении архитектуры укреплений гуннского города.

Данные археологических раскопок свидетельствуют о сложном построении оборонительных стен города. Каждая из них состояла из пяти линий препятствий для внешних врагов. Учитывая технику и строительные приемы, примененные гуннами при сооружении городов и усадеб в других местах Центральной Азии и в бассейне Енисея, укрепления Иволгинского города реконструируются следующим образом.

Первоначально были выкопаны по всему периметру стен подквадратной крепости три рва, отдаленных друг от друга на 3—4 м. Глубина рвов от 1,13 до 2,1 м, а ширина от 3,5 до 5,5 м. Затем, перед рвами, с напольной стороны, были сооружены «галькобетонные» стенки. Последние воздвигались путем заливки в деревянные опалубки слоев тонкоотмученной строительной глины с добавлением в ее тесто речной гальки и некоторой доли отмытого водою песка. Заливался (с подсушкой) слой на слой и получалось «цементированное» тело стены высотой 1,5—2 м. При этом, по наблюдению А.В.Давыдовой, «на вершинах валов» стояли деревянные заборы (высотой 1,6—1,8 м), а сами вершины «валов» были укреплены большими камнями.⁴⁶

Очевидно, что в «галькобетонные» стенки сверху были «утоплены» сплошные деревянные заборы, укрепленные по основанию рядами камней.⁴⁷ Глубина рвов, расположенных между стен, достигала 4,5—5 м. Наконец, с внутренней стороны четвертой линии обнаружены остатки пятой деревянной стены, с опорой на врытые в ямы большие столбы (диаметром 25—26 см). Вероятно, описанная система укрепления изнутри была прикрыта сплошным деревянным заплотом из толстых досок, концы которых были запущены в пазы массивных столбовых опор.

Такова сложная система оборонительных стен Иволгинской крепости, которая дополнялась, очевидно, мощными, запирающими въезды, деревянными воротами из бревен. Все это типично для архитектуры собственно гуннских городов. Во всяком случае, близкую картину изображают древнекитайские хроники, когда описывают строительство гуннским шаньюем Чжичжи четырехстенного города-крепости (в конце I в. до н.э.) на территории завоеванного им Семиречья. Шаньюй «посылал народ на возведение городской стены, каждый день работало по 500 человек, которые закончили постройку в два года».⁴⁸ И далее: «Перед земляной стеной имелся двойной деревянный частокол...». В другом месте сказано, что этот город был защищен «пятью рядами укреплений», т.е. совершенно так же, как и Иволгинский город.⁴⁹

Следовательно, Иволгинский город — образец типовой архитектуры для оборонительных крепостей, строившихся во враждебной среде на завоеванных гуннами землях. По его устройству можно наглядно представить себе какой была крепость Чжичжи-шаньюя, сооруженная в Семиречье две тысячи лет тому назад собственно гуннскими архитекторами.

Хотя в Иволгинском городе раскопана небольшая площадка лишь в юго-западном углу крепости, вместе с частью привратного пространства вдоль южной стены,⁵⁰ все же была выявлена крестовая планировка жилых и производственных кварталов. Первоначально они были разбиты на квадраты, образованные сточными дренажными канавами, осушавшими улицы. С течением времени, улицы кое-где были застроены новыми жилищами и в результате образовались тупики.

В целом же крестовая планировка внутренней части застройки города четко соотносится с направлениями внешних стен подквадратной крепости, что, в свою очередь, подчиняется общему архитектурному канону построения небольших квадратных средне- и центральноазиатских городов более поздней средневековой эпохи. Очевидно, что гуннские подквадратные города являются их предшественниками.

Пятирядность оборонительных стен, сооруженных с использованием особых «галлкобетонных» и деревянных конструкций, отражает специфическую самобытность гуннской городской архитектуры, не имеющей себе в ту пору аналогов ни в евразийских степях, ни в Ханьском Китае, за исключением квадратного плана, с крестовидной застройкой.

Обсуждая план Иволгинского города, отметим, что, вопреки казалось бы очевидной линейности расположения жилых домов вытянуто с востока на запад, они на деле составляли жилые кварталы. Внутри кварталов просматриваются усадьбы из 2—3 жилых домов, которые, возможно, перестраивались с течением времени. Зафиксирована гибель некоторых из них от периодических пожаров.

На усадьбах обнаружены многочисленные хозяйственные сооружения: погребя, навесы, свинарники, места керамических и металлургических производств, зернохранилища, колодцы и т.д. Никаких обширных скотных загонов в черте города не обнаружено.

Основные жилые дома были подквадратными. Под них сначала закладывались квадратные котлованы от 3 x 3 до 7 x 7 м, глубиной от 0,6 до 1 м. Стенки и пол обмазывались глиняным раствором. Вокруг на бортах котлованов (очевидно, в опалубке) слой за слоем наращивались заливкой глинобитные стены, в которые были «утоплены» опорные столбы, несущие на стропилах всю каркасную конструкцию дома с двускатной крышей. Вход в жилище находился с южной стороны, близ юго-восточного угла, и представлял собой пристроенный снаружи коридор-дромос с покатым спуском.⁵¹

Два здания были наземными, с сохранившимися глинобитными стенами (толщиной до 1,3—1,4 м), которые оплыли, образовав холмообразные возвышения.

Внутреннее устройство зимних, утепленных жилищ стандартно: против входа, в северо-восточном углу, располагалась печь из камен-

ных плит, от которой вдоль северной и западной стенок проходил канал-дымоход из плитняка, обогревающий дом зимой. В юго-западном углу подымалась вытяжная труба (диаметром 35 см), которую, вероятно, соорудили из расколотого повдоль и выдолбленного изнутри ствола селенгинского белого тополя. Вырывались ямки-погребки и хранилища из вырытых в пол сосудов. В двух случаях, под полом в глиняных сосудах, обнаружены захоронения грудных детей.

Кровля была многослойной с прокладками из жердей, прутьев, бересты, соломы и золы. Лежанки — нары сооружались из досок, на опорных столбах, над вышеописанным обогревательным каналом. На поверхности обмазанного глиной пола встречаются обожженные пятна от жаровен, которые, по-видимому, дополнительно обогревали дома во время лютых морозов.

В центре города исследован холм, под которым обнаружен сырдутный горн для выплавки железа.⁵² Здесь была мастерская металлурга.

Особенностью Иволгинского гуннского города является то, что в 100 м к югу от него, на краю той же речной террасы, находятся остатки Малого городища, более чем наполовину смытого в древности рекой.⁵³ Это, первоначально, также квадратное укрепление (145 x 145 м) площадью 2 га, обнесенное глинобитной стеной, со рвом изнутри. Последнее совпадает с той же особенностью оборонительных линий Иволгинского города. Малое городище свидетельствует о глубокой приверженности гуннских строителей к особому традиционному архитектурному канону в устройстве присущих для них монументальных сооружений.⁵⁴ Ни культурного слоя, ни остатков каких-либо построек на Малом городище нет. Впрочем, деревянные постройки и их заборы могли исчезнуть со временем бесследно.

Судя по обнаружению в исследовательских шурфах нескольких костей домашних животных, это мог быть разделенный бревенчатыми перегородками охраняемый укрепленный загон для общего стада домашних животных. Здесь сохраняли крупный и мелкий рогатый скот или лошадей.

В 440 м к северо-востоку от города находилось кладбище его жителей — так называемый Иволгинский могильник. На нем вскрыто 216 могил с остатками скелетов 244 человек.⁵⁵

Дэрестуйский замок находится около 20 км выше ж.д. станции Джиды на юго-запад, в крутой излучине р.Джиды, в которой расположено и его кладбище, известное как Дэрестуйский могильник.⁵⁶ В 30 км ниже излучины (называемой Дэрестуйский Култук) Джиды слева впадает в р.Селенгу. В 1,5 км к северу от замка расположен невысокий хребтик, поперечный течению реки, за которым, ниже, по левому берегу Джиды вытянут с юга на север Дэрестуйский могильник.

Крепость подквадратная (120 x 119 м), имеет внутри квадратную цитадель (40 x 40 м). Ворота располагались с юга, т.е. со стороны реки. Так же, как и Иволгинский город, Дэрестуйский замок ориентирован сторонами по странам света. Внешние его стены были глинобитными (сделанными заливкой в деревянной опалубке) и от них сохранились оплывшие валы, шириной около 6 м. Верх стен первоначально был

укреплен сплошным каменным гребнем из острых обломков скалы. Теперь камни располагаются по основным осям всех валов. Южные ворота крепости имели ширину около 18 м. С юго-восточного угла в восточной стене находилась калитка. В 10 м к югу от ворот стоит бугор (высотой до 1 м и размерами 10,5 x 10,5 м). Стены внутренней цитадели были обнесены рвом и отстояли от восточной стены на 26,5 м, от северной стены — на 24,5 м, от западной — на 22,5 м.

В северо-восточном углу цитадели возвышается усеченно-пирамидальный подквадратный холм размером 15 x 15 м и высотой 1,5 м.

В 1983 г. разведовательной группой Хакасской экспедиции, при содействии Н.В.Именохоева, на руинах Дэрестуйского замка собран подъемный материал: обломки прямоугольного красного обожженного кирпича (размером 12,5 x 7 см) и обломки типично гуннских серых, круговых сосудов: вазообразных бочек; боковин, украшенных наклепными валиками и т.п. Находки переданы в Отдел археологии Бурятского института общественных наук СО АН СССР, сотрудники которого ныне исследуют осмотренные нами остатки Дэрестуйской крепости.

В 1988—1989 гг. небольшие раскопки на памятнике произвел бурятский археолог С.В.Данилов, который по имени урочища назвал памятник «Городище Баян Ундер».⁵⁷ Были разрезаны поперечными траншеями восточный вал цитадели и восточный внешний вал городища. Выяснилось, что первоначально на месте валов находились плотные стены из обычного для гуннов «глинобетона», полученные в результате послойной заливки тонкоотмученной глины с примесью дресвы и щебня в дощатой опалубке. По гребню стены первоначально были «утоплены» в глину рваные обломки скалы, которые в результате почти двухтысячелетнего разрушения и размыва стен атмосферными осадками, осели и находились в переотложенном состоянии. Очевидно и здесь были первоначально деревянные заборы, укрепленные большими камнями.

Стены внутренней цитадели были окружены снаружи рвом шириной около 3,3 м и глубиной 1,6 м от основания стены. Ров под стеной имел почти отвесную стенку и, следовательно, значительно увеличивал общую высоту стен цитадели.

С.В.Даниловым было обнаружено, что изнутри к стене цитадели примыкала жилая «площадка»-пол, в виде глинобитной платформы, на ровной поверхности которой лежали обломки каменных плиток, очевидно, оставшихся от обогревательных каналов. Основание одной из стен жилища было облицовано плитой, укрепленной на ребре, длиной 1,6 x 0,5 м. Собраны мелкие обломки гуннских сосудов.

Поселение Енхор находится на правом берегу р.Джиды, противоположном Дэрестуйскому замку. Это в 10 км к юго-западу от Дэрестуйского култука. Поселение расположено на высокой надпойменной террасе, возвышающейся на 35—40 м над поймой, в которой стоит деревня Енхор (совхоз «Заречный»). В 350 м от деревни террасу прорезала дорога, ведущая в поселок Цаган-Усун.

Поселение было открыто в 1981 г. А.Д.Цыбиктаровым.⁵⁸ Мощность его культурного слоя колеблется от 20—40 до 80 см. Вдоль

края террасы поселение вытянуто на 350 м. В 1983 г., когда поселение посетили сотрудники Хакасской экспедиции, останец горы с селищем на вершине был обрезан бульдозерами. Посредине площадки располагалась глубокая впадина, очевидно, место жилища, углубленного в землю. На осыпях обрывов нами были подобраны многочисленные обломки черных гуннских сосудов, с типичным редким вертикальным лощением; обломки каменной зернотерки, кусок железного сошника, часть плоского кольца из белого камня, обломки перламутра. Были встречены и каменные плитки, обычно используемые гуннами при сооружении в жилищах обогревательных лежанок с отопительными каналами.

В 500 м к востоку от селища, на возвышенности, бурятскими археологами обнаружен развеванный могильник с неглубокими древними захоронениями — может быть, кладбище бывших гуннских поселян. При нас, в 1983 г., в одном месте замечены оголенные кости ног скелета молодого человека, лежавшего на спине, головой к северо-востоку.

Поселение у с.Дурены расположено в 35 км к востоку от г.Кяхта, в излучине старицы по левому берегу р.Чикоя. Чикой, правый приток Селенги, близ этого места пересекает границу с Монгольской Народной Республикой и устремляется на север.⁵⁹

«Поселение находится на краю надпойменной террасы, образующей в плане как бы подкову, расположенную в излучине р.Чикой... Общая протяженность поселения составляет около 5 км. Во всех его частях зафиксированы значительные участки ненарушенного культурного слоя мощностью до 90 см (втрое больше, чем на Иволгинском городище)». ⁶⁰ Следует полагать, что основная часть площади этого поселения была смыта водами Чикоя за время образования его излучины. Не исключено, что в гуннское время, в излучине размытого ныне левого берега этой реки располагался укрепленный город, остатки ремесленного посада которого принимаются ныне нами за особое поселение, странным образом вытянутое на 5 км по излучине берега современной старицы.

В разных местах поселения удалось раскопать много хозяйственных ям и около десятка жилищ, которые оказались точно такими же, как и вышеописанные, заглубленные в землю, дома иволгинских гуннов с аналогичными «Г»-образными отопительными каналами-дымоходами. Обнаружены: масса шлаков, кучки не востребовавшей руды и другие отходы, связанные с производством железа, железных и бронзовых поделок. Если в Иволгинском городе найдено только два железных сошника, то в Дуренах их собрано 21. Несмотря на относительно малую площадь, исследованную раскопками, материалы показывают, что Дурены — это город, в котором основным населением были ремесленники, занимавшиеся, отчасти, земледелием. Экономический потенциал этого обширного по размерам ремесленного центра был, несомненно, очень высоким.⁶¹

Поселение Дурены II в с.Дурены обнаружено А.В.Давыдовой и С.С.Миняевым в 1983 г. к северу от первого поселения, в

следующей излучине левого берега Чикоя. Памятник отличается многослойностью (от эпохи бронзы до средневековья). Слои 5—7, по керамике, относятся к гуннскому времени. Интересна впервые отмеченная в этих же горизонтах не гуннская посуда.⁶²

Таким образом, в Западном Забайкалье известно уже пять пунктов, в которых исследуются города и оседлые поселения гуннов. Полученные материалы бесспорно свидетельствуют о том, что часть собственно гуннского населения проживала в укрепленных городах или поселках, занимаясь преимущественно земледелием, но также и квалифицированным ремеслом. Укрепленные города были не только военными форпостами, но, вероятно, центрами духовной и религиозной жизни гуннского народа, хранилищами ценностей, продуктов ремесла и земледелия и, конечно, местами торжищ. На последние, очевидно, собирались лесные охотники, кочевники-скотоводы и иноземные купцы.

Для того, чтобы раскрыть более полно страницы истории, связанные с пребыванием загадочного народа — гуннов (сюнну) на земле Забайкалья, следует не только детально исследовать известные памятники их оседлой культуры, но и разыскать новые, еще неизвестные.

3. О хронологии гуннских памятников

Надобо благодарить А.В.Давыдову за многолетний труд по исследованию памятников оседлых гуннов в Забайкалье. К сожалению, растянувшееся на годы выяснение даты изучавшегося ею Иволгинского комплекса (городища и могильника) не способствовало развитию науки. Поэтому в 1953—1960 гг. автор, по известным в то время данным, сам установил, что Иволгинский комплекс и часть могил других могильников относятся ко II—I вв. до н.э., а другая часть — к периоду I в. до н.э. — I в. н.э.⁶³ Позднее, в сжатом виде, мною была опубликована периодизация памятников гуннской культуры, переживших два этапа.⁶⁴

Реакция А.В.Давыдовой оказалась неожиданной. Полностью приняв в 1985 г. для Иволгинского комплекса дату, предлагавшуюся мною еще в 1953 г. (II—I вв. до н.э.) и неоднократно обсуждавшуюся с нею при личных встречах в 1950-е гг., А.В.Давыдова наконец-то подтвердила большинство аналогий гуннским предметам массовыми находками сходных предметов в памятниках выделенного мною на Енисее (в 1953 г.) тагарско-таштыкского переходного этапа (II—I вв. до н.э.), который М.П.Грязнов позже, по новым материалам, назвал «тесинским».⁶⁵

Неожиданно А.В.Давыдова объявила, что предложенная Л.Р.Кызласовым «классификация не отвечает ходу развития общества хунну». «Повинны», де, хронологические этапы, ибо «**все** известные курганные могильники оказались на более позднем этапе» (кочевники, де), чем памятники «оседлой части общества». И здесь же утверждалось, что «**однотипный набор вещей характерен для всех без исключения памятников хунну**» и посему общей их датой является период II—I вв. до н.э.⁶⁶

Чтобы доказать столь надуманное и далекое от правды утверждение, А.В.Давыдова совершает «подвох»: она публикует (в кавычках)

цитату из печатного текста Л.Р.Кызласова, выбросив из раннего «дэрестуйского этапа» важнейший памятник, а именно — Дэрестуйский могильник.⁶⁷ После этого, А.В.Давыдова принялась критиковать его же выхолощенный текст. Все это, по меньшей мере, странно... Но странно также узнать, что специалисты по гуннской археологии не ведают, к примеру, что в кургане №6 могильника Ноин-Ула найдена китайская лаковая чашечка, на дне которой написана дата ее изготовления — 2 г.до н.э. Следовательно, сам курган был сооружен не ранее I в н.э.⁶⁸ Странность поведения оппонентов (А.В.Давыдовой и ее напарника С.С.Миняева) состоит еще и в том, что они а priori не допускают возможного захоронения в одном могильнике погребений разновременных этапов. Не проделав типологической классификации инвентарей погребений, коллеги не замечают отличия типов погребальных сооружений и различия деталей совершенного в них погребального обряда. В результате, по мнению оппонентов, культура центральноазиатских гуннов за 300 лет прогрессировала столь незаметно, что результаты ее развития оказались неуловимыми даже для специалистов.

Между тем, в бассейне Среднего Енисея, все памятники в той или иной степени связанные с гуннами, четко разделились на два этапа: ранний тагарско-таштыкский («тесинский») II—I вв. до н.э. и, более поздний, изыхский этап таштыкской эпохи (I в. до н.э. — I в. н.э.). Именно эти же даты теперь подтверждены и для этапов развития культуры гуннов Забайкалья.⁶⁹

Так закончилось утверждение нашей классификации, которая, нами же, была расширена еще в 1979 г.⁷⁰ При всем том, бесспорно, что приток новых материалов поможет в будущем улучшить или уточнить любую классификацию.

Приведенный выше обзор письменных источников не оставляет сомнений в том, что археологи обнаружат и исследуют не только ранние, но и поздние гуннские города. В настоящее время, возможно, таковым окажется Дэрэстуйский замок (Баян Ундер), раскопки которого только начались.

Сопоставление известных ныне письменных и археологических источников убеждает нас в том, что геополитическое положение гуннского государства в Центральной Азии, между культурными центрами западного (Средняя Азия) и восточного (Китай) миров, сформировало как духовную, так и материальную культуру гуннов.

Академик Н.И.Конрад был совершенно прав, различая, наряду с китайским «историческим кругом земель», центральноазиатский очаг исторической активности народов, зародившийся в эпоху сложения гуннской державы. «Этому новому центру, — писал он, — предстояло сыграть роль звена, связующего восточноазиатский центр мировой истории со среднеазиатским».⁷¹ К этому следует добавить, что, хотя гуннская материальная культура впитала в себя многие характерные элементы соседних с нею культур западного ареала (лук и стрелы, конская сбруя, бронзовые котлы, звериный стиль и т.п.), основа ее все же была заложена в дальневосточном культурном кругу. Это особенно наглядно отражено в архитектуре городов («чэнов»), в жилых постройках с

напольной системой отопления типа канов, в преобладании вазообразных сосудов, в формах сельскохозяйственного инвентаря (лемехи плугов, серпы, оковки лопат и пр.), бытовых предметов (нефрит, зонты, лак, палочки для еды, монеты, зеркала) и т.д. Кроме того, гунны (сюнну) пользовались иероглифической письменностью, которая являлась международной для всего дальневосточного круга культур. Именно гунны впервые унесли с собой эту письменность далеко на запад.

Примечания:

- ¹ *Потанин Г.Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.
- ² *Худяков Ю.С.* К вопросу о древних городах Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Археология и этнография. №3. СОРАН. Новосибирск, 1994.
- ³ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М.-Л., 1950. С.48, 50; *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып. 1. М., 1968. С.39, 41.
- ⁴ *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С.10—11.
- ⁵ *Кубарев В.Д., Журавлева А.Д.* Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986; *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. М., 1979. С.79—84.
- ⁶ *Давыдова А.В.* Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. Т.ХХV. М., 1956; К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // КСИА. Вып. 154. М., 1978; Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
- ⁷ *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века... С.9—15.
- ⁸ *Пэрлээ Х.* К истории древних городов и поселений в Монголии // СА. №3, 1957; *Майдар Д.* Три карты городов и поселений Монголии. Улан-Батор, 1970; *Давыдова А.В.* К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну...
- ⁹ *Васильев К.* Археологические исследования во Внутренней Монголии / / ВДИ. №3, 1959.
- ¹⁰ *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.1. М., 1968. С.34
- ¹¹ *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- ¹² *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.1. С.37
- ¹³ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. С.76, 83, 106.
- ¹⁴ *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.1. С.31; *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.2. М., 1973.
- ¹⁵ *Давыдова А.В., Шилов В.П.* К вопросу о земледелии у гуннов // ВДИ. №2, 1953.
- ¹⁶ *Таскин В.С.* Тюркские названия домашних животных в языке сюнну / / КСИНА АН СССР. Вып.85. М., 1964; *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.1. С.4, 34.
- ¹⁷ *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.23, 24
- ¹⁸ *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.1. С.40, 79, 81, 91, 165.
- ¹⁹ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. С.76, 78; *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.1. С.91, 165; *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.22, 23, 70, 73, 83, 112, 137.
- ²⁰ *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.126, 129, 131, 164.

- ²¹ *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.128.
- ²² *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.126—129.
- ²³ *Зуев Ю.А.* К вопросу о взаимоотношениях усуней и канцзюй с гуннами и Китаем во второй половине I века до нашей эры // Известия АН Казахской ССР, серия истории, экономики и т.п. Вып.2. Алма-Ата, 1957.
- ²⁴ *Дебс Гомер Г.* Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // ВДИ. №2, 1946.
- ²⁵ *Maenchen-Helfen O.J.* The World of the Huns. Berkeley—Los Angeles—London, 1973.
- ²⁶ *Doerfer G.* Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. Vol.XVII, №1. Wiesbaden, 1973.
- ²⁷ *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.83.
- ²⁸ *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.112.
- ²⁹ *Кызласов Л.Р.* История Южной Сибири в средние века. С.13.
- ³⁰ *Лян Юань-дун.* Си Ляоши (на кит. яз.). Пекин, 1955. С.20.
- ³¹ *Малявкин А.Г.* Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974. С.85.
- ³² *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. С.264.
- ³³ *Лян Юань-дун.* Си Ляоши. С.20
- ³⁴ *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.21, 136
- ³⁵ *Таскин В.С.* Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. Вып.1. Сюнну. М., 1989. С.26—27.
- ³⁶ *Малявкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С.35, 138, прим.159.
- ³⁷ *Малявкин А.Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С.67.
- ³⁸ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.I. С.214.
- ³⁹ *Окладников А.П.* Якутия до присоединения к русскому государству // История Якутской АССР. Т.I. М.-Л., 1955. С.193—196.
- ⁴⁰ *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новые материалы о происхождении культуры чаата // АО 1983 года. М., 1985. С.220.
- ⁴¹ *Сосновский Г.П.* О поселении гуннской эпохи в долине Чикоя (Забайкалье) // КСИИМК. Вып.14. М.-Л., 1947; *Давыдова А.В., Миняев С.С.* Поселение хунну у с.Дурены // АО 1972 года. М., 1973; *Они же.* Раскопки хуннских поселений в Забайкалье // АО 1974 года. М., 1975; *Они же.* Раскопки поселения хунну у с.Дурены // АО 1975 года. М., 1976; *Давыдова А.В.* Раскопки поселения хунну у с.Дурены // АО 1973 года. М., 1974; *Она же.* Раскопки поселения хунну у с.Дурены // АО 1977 года. М., 1978; *Она же.* Новые данные о поселении хунну у с.Дурены // АО 1979 года. М., 1980.
- ⁴² *Сосновский Г.П.* Нижне-Иволгинское городище // ПИДО. №7-8, 1934; *Давыдова А.В.* Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. Т.XXV. М., 1956; *Она же.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
- ⁴³ *Давыдова А.В.* Иволгинское городище. Рис.1.
- ⁴⁴ *Пэрлээ Х.* К истории древних городов и поселений в Монголии // СА, №3, 1957; *Шавкунов Э.В.* Обследование гуннских городищ в Монголии // АО 1972 года. М., 1973; ср.: *Волков В.В., Новгородова Э.А.* Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция // ВИ, №12, 1976.
- ⁴⁵ *Давыдова А.В.* Иволгинское городище... Рис.1; *Она же.* Иволгинский комплекс (городище и могильник)... Рис.П.
- ⁴⁶ *Давыдова А.В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник)... С.12, 13.

- ⁴⁷ Давыдова А.В. Иволгинское городище... С.296, 297
- ⁴⁸ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.126—129.
- ⁴⁹ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.2. С.126—129, 131.
- ⁵⁰ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... Рис.II, III.
- ⁵¹ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... Рис.III.
- ⁵² Давыдова А.В. Иволгинское городище... Рис.7.
- ⁵³ Давыдова А.В. Иволгинское городище... Рис.1.
- ⁵⁴ Проскуракова Т.С. Пути формирования городов Домонгольской Сибири // Архитектурное наследие. Т.37. М., 1990. С.44, 45.
- ⁵⁵ Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т.2. Иволгинский могильник. СПб, 1996.
- ⁵⁶ Сосновский Г.П. Дэрстуйский могильник // ПИДО. №7—8, 1935.
- ⁵⁷ Данилов С.В. Отчет об исследованиях средневекового здания в Нарсатуе и городища Баян-Ундэр в Джидинском районе Бурятской АССР в 1988 году. Улан-Удэ // Архив ИА РАН, Р-1, №13403. М., 1989; *Его же*. Отчет об исследованиях средневекового здания в Нарсатуе Мухоршибирского района, городища Баян-Ундэр в Джидинском районе и поселения на реке Темник Селенгинского района Бурятской АССР в 1989 году. Улан-Удэ // Архив ИА РАН, Р-1, №14054. М., 1990; Данилов С.В., Жаворонкова Т.В. Городище Баян-Ундэр — новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995.
- ⁵⁸ Цыбиктаров А.Д. Новые материалы по хунну Южного Забайкалья // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири. Итоги и перспективы. Иркутск, 1986.
- ⁵⁹ Сосновский Г.П. О поселении гуннской эпохи в долине Чикоя (Забайкалье) // КСИИМК. Вып.14. М.-Л., 1947.
- ⁶⁰ Давыдова А.В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // КСИА. Вып.154. М., 1978.
- ⁶¹ Давыдова А.В., Миняев С.С. Поселение хунну у с.Дурены // АО 1972 года. М., 1973; Давыдова А.В., Миняев С.С. Раскопки хуннских поселений в Забайкалье // АО 1974 года. М., 1975; Давыдова А.В., Миняев С.С. Раскопки поселения хунну у с.Дурены // АО 1975 года. М., 1976.
- ⁶² Миняев С.С. Исследования в Западном Забайкалье // АО 1983 года. М., 1985; Миняев С.С. Работы Забайкальского отряда // АО 1984 года. М., 1986.
- ⁶³ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М, 1960. С.85, 86, 126, 163 и 164.
- ⁶⁴ Кызласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. К 70-летию А.П. Смирнова / МИА, №169, М, 1969. С.118; датировка этапов осталась прежней.
- ⁶⁵ См.: Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... С.46, 48, 49, 66, 67; ср.: Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Том 2. Иволгинский могильник... С.25.
- ⁶⁶ Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... С.36—37.
- ⁶⁷ Сравните: Кызласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов... С.118 и Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник)... С.36.
- ⁶⁸ См.: Trever K. Excavations in Northern Mongolia. L., 1932. P.48, Pl.29, 2 и 30, 1.
- ⁶⁹ Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М, 1992. С.224—246 и табл.105—108; С.254—260 и табл.94—100.
- ⁷⁰ См.: Кызласов Л.Р. Древняя Тува... С.82.
- ⁷¹ Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С.459—463.

Рис.1. Глиняный налеп у двери гуннского дома, изображающий духа — хранителя здания. Маска европеоида. Монголия, по фото М.Габори.

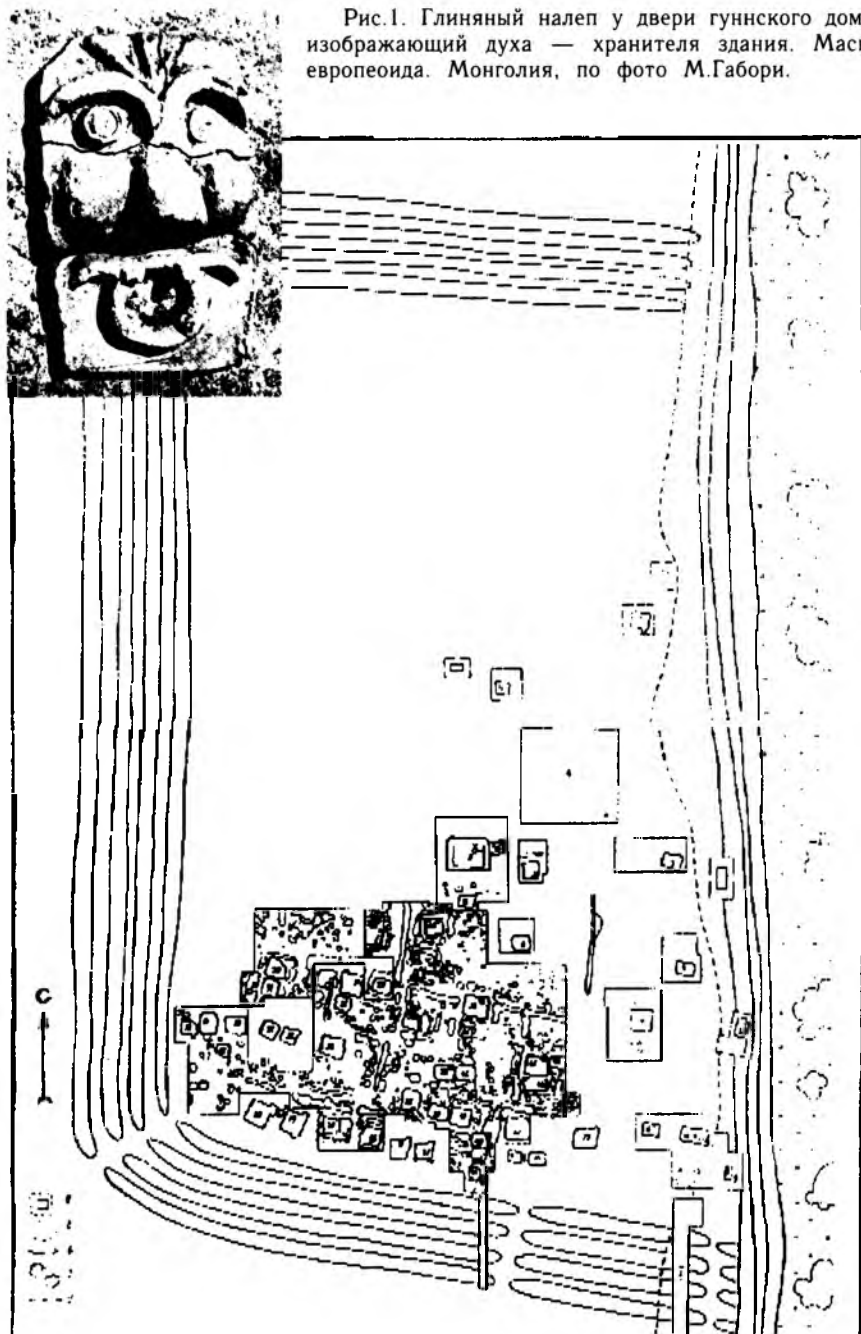

Рис.2. Схема Иволгинского городища по А.В.Давыдовой.